

ВОЙТИ
В ОДНУ
РЕКУ,

ИЛИ
ВОСПОМИНАНИЯ
АРХИТЕКТОРА

И.И.Рерберг

15 амб. телескоп

Иван Иванович Рерберг
Войти в одну реку, или
Воспоминания архитектора
Серия «Свидетель эпохи»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70259269

Войти в одну реку, или Воспоминания архитектора: Эксмо; Москва;

2024

ISBN 978-5-04-198313-0

Аннотация

Первая публикация чудом сохранившихся мемуаров талантливого российского архитектора и строителя Ивана Ивановича Рерберга, знаменитого созданием легендарного Центрального телеграфа и Киевского вокзала в Москве.

Воспоминания Рерберга – прекрасный образец литературного стиля конца XIX – начала XX века и ценный источник по истории российской культуры.

Уникальные свидетельства о личном участии автора в работе и консультациях по проектам Музея изобразительных искусств на Волхонке, мавзолея Ленина, Северного страхового общества на Ильинке и других памятников архитектуры.

Рассказы о встречах с известными современниками.

Сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	5
1869–1895	12
Глава первая	12
Глава вторая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Иван Рерберг

Войти в одну реку, или

Воспоминания архитектора

© Шилин А.А., предисловие, составление, 2023

© Чернов Д.В., иллюстрации, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Инженерам-строителям России
посвящается*

Предисловие

Каким образом ко мне попала рукопись архитектора Ивана Ивановича Рерберга из библиотеки Эммануила Менделевича Генделя – история достаточно интересная. Исходя из своего возраста и по опыту работ, могу заметить, что любой профессиональный мир чрезвычайно тесен, тем более в одной стране, да еще и в одном городе, пусть даже таком большом, как Москва. Поэтому почти наверняка Рерберг и Гендель, являясь инженерами-практиками в области строительства, могли контактировать друг с другом.

И. И. Рерберг скончался в 1932 году, когда Э. М. Генделю было 29 лет, и он только начинал работать в области реконструкции. Старт активной трудовой деятельности Генделя – это 1933-й год, когда он стал осуществлять подводку и укрепление фундаментов зданий в зоне строительства московского метро.

Каким образом записки И. И. Рерберга, да еще их рукописный вариант, оказались у Э. М. Генделя – сказать трудно. Возможно, оба инженера имели контакты по профилю своей работы. Можно предположить также, что взаимодействие Рерберга и Генделя было шире, ведь в библиотеке Генделя хранилось множество карандашных набросков конструкций зданий, причем зданий из дерева. Эти наброски, вероятнее всего, были сделаны либо самим И. И. Рербергом, либо его

братом (Ф. И. Рербергом).

Известно, что при проектировании линии метро тоннели проходили вблизи здания ГМИИ им. А. С. Пушкина, в строительстве которого участвовал И. И. Рерберг, а это значит, что Гендель и Рерберг могли обсуждать рабочие дела. Ведь И. И. Рерберг до конца своей жизни участвовал в судьбе музея, консультировал по строительным вопросам и, вероятно, даже согласовывал проектные решения по метрополитену. Известно, что Гендель и Рерберг были и считали себя инженерами-практиками, а это способствует установлению рабочих отношений.

Мне, инженеру, который связал свою жизнь с практикой ремонтных, реставрационных, строительных и противоаварийных работ, огромную помощь в развитии и выходе на определенный профессиональный уровень оказали встречи со специалистами, обладающими большим практическим опытом. Сегодня уже можно сказать, что мне очень везло на встречи с умными, образованными и грамотными людьми. В 90-е годы XX века при переходе к рыночной экономике два выдающихся специалиста, высококлассных инженера, предложили мне начать развивать направление ремонта подземных сооружений в Москве. До этого я много лет занимался этим вопросом применительно к горным выработкам. Такими специалистами были Александр Сергеевич Матросов, находившийся тогда на посту заместителя председателя исполкома города Москвы по городскому хозяйству, и Илья

Дмитриевич Насонов, д.т.н., заместитель председателя ВАК СССР, профессор, заведующий кафедрой «Строительство подземных сооружений и шахт» МГИ, где я работал. Было создано предприятие, которое должно было обследовать, проектировать и ремонтировать подземные сооружения, в том числе коллекторные тоннели инженерных коммуникаций, я стал его первым руководителем.

При ремонте и реконструкции камер в коллекторах появилась необходимость в замене металлических конструкций, которые пришли в негодность. Часто камеры расположены на небольшой глубине, 1–3 метра, и единственным быстрым и экономичным способом решить задачу был подъем с помощью специальных домкратов перекрытия из плит. Как горняки мы использовали гидравлические шахтные стойки. После подъема – конструкции ниже плит менялись на новые, и перекрытие опускалось на прежнее место. Как все достаточно неопытные и молодые люди, мы думали, что совершаем переворот в технологии ремонта, и подали заявку на получение авторского свидетельства. При рассмотрении заявки нам ответили, что способ давно известен, и подъем зданий и сооружений таким способом был осуществлен давно и успешно Э. М. Генделем. Мало того, мне дали контакты Э. М. Генделя, сказав, что он еще жив, возможно. Я позвонил по телефону, и мне сообщили, что Гендель недавно умер, а я первый человек, который поинтересовался им. Дочь Генделя объяснила, что семья планирует ремонт, и

встал вопрос о том, что делать с технической библиотекой. Мне предложили забрать библиотеку, и я, конечно, согласился. Там были книги, альбомы, фото по передвижке зданий, проекты, чертежи, включая чертежи домкратов, и т. д.

Разбирая эту техническую библиотеку, я понял, каким специалистом инженерного профиля был Э. М. Гендель. Сегодня, когда таких специалистов стало очень мало, а в нашей области ремонта и реконструкции зданий и сооружений их можно пересчитать по пальцам на одной руке, величина его таланта, диапазон инженерной мысли, умение решать поставленную задачу от начала до конца, да еще в тех условиях, вызывает восхищение.

Знакомясь с библиотекой Э. М. Генделя, которая оказала огромное влияние на мое развитие, я обнаружил рукописную и печатную, на тонкой папиросной бумаге, работу И. И. Рерберга, крупнейшего специалиста в выполнении строительных работ. Рерберг был тем инженером, который самостоятельно вел порученный ему объект от проекта до окончания строительства. Кроме того, он, как и Э. М. Гендель, был таким же аккуратным и педантичным человеком. Скрупулезные подсчеты нагрузок, расчет стоимости по оптимальным критериям и многое другое делает подход этих двух инженеров к делу схожим. Сегодня все не так, роль инженера размыта по причине большого объема строительства и его темпов, а также наличия массы ненужных документов, бумаг, законов, которые делают невозможным быстрое и эф-

фективное решение задачи силами малого количества специалистов. Да и за экономией средств следят плохо. Тогда, возможно, было проще, была важна личность руководителя работ, но и ответственность этого руководителя была настолько серьезной, что неудача грозила потерей не только работы, но и жизни.

В библиотеке Э. М. Генделя есть много книг и журналов, где замазаны фамилии людей, которые были признаны врагами народа. Да, время было трудное и сложное, но было.

Получив рукопись И. И. Рерберга, изучив его опыт и поняв значение его личности в развитии инженерного подхода к строительным работам, я подготовил ее к публикации, единственное, что я добавил – это сноски. Процесс работы с рукописью меня очень захватил и заставил смотреть на многие вещи по-другому.

Когда мы производили ремонт и реконструкцию некоторых залов и помещений в ГМИИ им. А. С. Пушкина, я обратился к Ирине Александровне Антоновой с просьбой дать совет, что делать с рукописью. Ведь И. И. Рерберг, как я уже сказал, до конца жизни не терял своей связи с музеем. Она сказала, что знает про текст, и о том, что было несколько его экземпляров, а также считает, что хорошо было бы издать книгу, но с предисловием о работах В. Г. Шухова. Это предисловие было подготовлено, но было большим и в значительной степени рассказывало о работах В. Г. Шухова, а к материалу рукописи имело малое отношение. Постепенно

дело заглохло, ни у кого не было времени, да и желания заниматься книгой. Интерес к рукописи возник вновь уже через много лет. Во время ковида появилась масса свободного времени, и при разборе бумаг мы довели текст до сегодняшнего состояния, а редакция любезно согласилась его издать.

В рукопись добавили прекрасные рисунки талантливого художника Д. В. Чернова, который очень увлеченно и творчески подошел к этой теме.

Рукопись И. И. Рерберга не имела названия, поэтому я и решил назвать ее: «Войти в одну реку» и посвятить российским инженерам-строителям, которые всегда стоят во главе важнейших работ, но редко получают народное признание. На мой взгляд, роль инженера сегодня сильно занижена по сравнению с чиновниками и другими профессионалами, но издание книги может повысить в общественном мнении престиж думающего и грамотного инженера.

*Проф., д.т.н. Андрей Александрович Шилин
2023 г.*

Музей в здании
Кремля в Москве
1853

Л. Короб.
1853

1869–1895

Глава первая

Мне было около двух лет, когда со мной произошло событие, о котором много говорили и рассказывали как мои родственники, так и жители прежней Рогожской части города Москвы. В 1871 году осенью я, сидя на подоконнике закрытого окна со своим сверстником, двоюродным братом, вцепился ему в волосы; стоявшая тут же нянька стала нас разнимать, а я быстро откинулся назад, пробил головой стекло и вылетел из окна третьего этажа на улицу. На отчаянный крик няньки прибежал мой отец, быстро сбежал вниз, и, когда он поднял меня на руки, я разревелся. Меня уложили в кровать и послали за доктором, который не нашел ни вывиха, ни перелома, но велел держать меня в кровати. На следующий день я уже стал протестовать против лежания, а на третий – бегал по комнатам мимо того злополучного окна, подоконник которого сыграл роль аэродрома для моего первого воздушного полета без всяких приспособлений.

Наша квартира была в четырехэтажном доме, выходящем своим фасадом на площадь Андроникова монастыря. Из окон больших светлых комнат третьего этажа открывался чудный вид на всю Москву. Остальные этажи и два флигеля

при доме были заняты Управлением Нижегородской железной дороги, которой в течение двадцати пяти лет заведовал мой отец, почему и имел казенную квартиру.

За домом был расположен большой двор с надворными постройками, а за ним – сад с беседкой и колоссальным серебристым тополем перед ней. Зимой в саду устраивалась ледяная гора и каток.

В настоящее время Андроников монастырь ликвидирован, и все постройки сломаны, не исключая и большой колокольни монастыря, которую жаль потому, что в архитектурном отношении она была одной из лучших высоких башен Москвы.

Случай моего падения из окна я не помню и рассказываю со слов моих родственников, но многие, даже незначительные, факты, относящиеся к моему раннему детству, безусловно, зафиксировались в моей памяти. Я хорошо помню из того времени, когда мы жили на даче в Сокольниках, как нянька возила меня на круг в детской колясочке и как обязательно нас сопровождал черный, на коротких кривых лапках пес Цыган. Помню, что я очень любил один ходить по саду за нашей дачей и что сад был огорожен забором из барочных досок, покрытых многочисленными круглыми отверстиями, через которые я смотрел на соседние владения. Однажды, когда я приложил глаз к дырке и внимательно рассматривал, что происходило на соседнем дворе, то почувствовал сильную боль; закрыв глаз рукой, я помчался домой. Я не плакал,

потому что был один, и мне не перед кем было выказывать своей обиды. Когда же меня обступили мои домашние, начал ругаться и топтать ногами, соображая, что меня клюнула в глаз курица, которая была на навозной куче соседнего двора на одной высоте с моим лицом и увидела что-то блестящее. К счастью, удар клюва пришелся ниже глаза, и было повреждено только нижнее веко. Говорю «к счастью» потому, что, как это определилось много лет спустя, правый глаз у меня от рождения был почти слепым и, потеряв зрячий левый глаз, я остался бы калекой на всю жизнь, но об этом я расскажу в своем месте.

Я не плакал, когда был один, это – свойство многих детей; они не так умны, как мы это часто думаем, но они очень хитрые, они режут и кричат без слез не потому, что не могут сдержаться, а чтобы возбудить к себе сочувствие и жалость и вызвать у старших желание наказать обидчика; чувство мести развивается с самых малых лет, а говорят еще, что это чувство неестественно.

Когда вспоминали мои детские годы, то говорили, что одним из положительных моих качеств было то, что я редко плакал, заменяя эту детскую потребность озорством и драчливостью. Когда ко мне приставили гувернантку, которая решила применить меры строгости, я просто залепил ей в лоб связкой ключей, которые попали мне под руку, и гувернантка ушла, прожив у нас не более недели.

Другой раз я, желая рассмотреть конструкцию детского

ружья, приставил глаз к дулу и выстрелил, но и тут, к своему счастью, повредил только верхнее веко.

Помню, как на нашу дачу в Сокольниках приехал курьер с бумагами к отцу и привез маленького пестрого щенка, которого он отнял дорогой у каких-то хулиганов, рубивших ему лопатой хвост. Этот пес, названный Шариком, долго жил у нас и отличался удивительным умом, которым могут похвастаться только самые простые дворняги, и за время своего существования доставил нам, детям, много радости и удовольствия.

Когда мы жили на другой даче, при селе Троицком, в пяти верстах от станции Обираловка Нижегородской железной дороги, Шарик принимал обязательное участие во всех наших длинных прогулках. Когда его не хотели брать с собой и запирали в комнатах, он всегда находил способ выбраться через окно и нагонял нас за несколько верст от дома.

Несколько раз Шарик приносил в зубах пойманного им зайца и потом гонялся за ним с визгом, как настоящая гончая. Однажды на прогулке мы встретили двух субъектов в высоких сапогах, с длинными лохматыми волосами, на которых Шарик стал лаять; один из них вынул из кармана револьвер и стал целиться в Шарика, я же набросился на него, крича, что он не смеет убивать нашу любимую собаку. В это время Шарик подлетел к другому субъекту, укусил его за ногу выше сапога, разорвал ему штаны и быстро скрылся в кустах; мы торжествовали, и субъектам остался один выход –

ускорить свои шаги и скрыться от нашей компании.

На террасе нашей дачи стояло большое мягкое кресло, и Шарик ночью, когда никто этого не видел, забирался на кресло и там спал. У кресла была сломана одна ножка, и ее приходилось подставлять, когда днем в него кто-нибудь садился. Очевидно, ножка кресла была плохо прилажена или просто лежала рядом, и сон Шарика был прерван падением кресла, пес очутился на полу. Он так был озлоблен или испуган, что стал рвать мягкую обивку кресла, и на утро пол был покрыт волосом и мочалой, кресло же пришлось убрать на чердак как негодное для сиденья.

Я буду несправедлив к памяти другой нашей собаки, если не скажу о ней несколько слов. Позднее у нас появилась большая черная собака, помесь с водолазом, по кличке Мильтон; кажется, эту собаку подарил нашему повару мясник. Мильтон прямо обожал Шарика и готов был для него на всякие жертвы, а Шарик, как более умный, этим пользовался. Когда появлялись чужие собаки, то Шарик бросал на Мильтона многозначительный взгляд и устремлялся в бой, но как только здоровенный Мильтон ввязывался в драку, Шарик удирал. Хорошо, что Мильтон всегда одерживал победу, и когда побежденные собаки начинали удирать, Шарик появлялся снова из-за угла и преследовал бегущих с громким лаем, а затем возвращался с веселым видом, очевидно, приписывая победу себе. Когда собаки получали от повара по кости, то Шарик, не доевший свою, отправлялся смело к

Мильтону и чуть ли не изо рта отбирал у него кость, и Мильтон, дружески ворча, ему уступал. Нас, детей, это всегда возмущало, и мы отнимали у Шарика кость и возвращали ее Мильтону, который, опустив голову и хвост, сконфуженно шел в укромный уголок и доглядывал свою порцию.

Нашу дачу в Сокольниках я помню только в течение одного года или двух лет, а затем мы жили на даче близ села Троицкого. Это было старое имение Голицыных, и мы занимали часть длинного каменного дома, очевидно, переделанного под жилье из большой прежней оранжереи.

Первая большая комната была высотой около десяти аршин, с громадными окнами, затем шла анфилада других комнат, которая кончалась деревянной террасой. С другой стороны также были комнаты, но меньших размеров и с несколькими выходами. В этих комнатах помещались кухни, кладовые, частично они были заняты домашней прислугой.

Перед домом был пруд с карасями, лягушками и ужами, а за домом – большая лужайка, покрытая цветами. С одной стороны дома протекала река Пехорка, запруженная на мельнице села и потому довольно широкая. В реке была масса рыбы всевозможных пород, и под руководством моего старшего брата я с малых лет стал большим любителем рыбной ловли на удочку. «Записки об уженье» Аксакова были нашей настольной книгой, и мы детально были знакомы со всеми породами рыб, практически изучили, в каких местах реки они водятся, как клюют, как надо их ловить и прочее.

Я бы и сейчас с удовольствием сел с удочкой на берегу небольшой уютной речки и наблюдал за поплавком так же внимательно, как рыболов на известной картине Перова.

Я бы и сейчас с удовольствием сел с удочкой на берегу небольшой уютной речки и наблюдал за поплавком так же внимательно, как рыболов на известной картине Перова.

Помню прекрасные леса Троицкого с массой грибов, длинную и широкую аллею с вековыми липами, идущую от нашей дачи до села Троицкого, на которой мы играли в крокет; дорогу, обсаженную березами екатерининских времен, ведущую на ферму «Кагул», названную так в память далеких побед над турками.

Помню, как кроме рыбы я ловил ужей. Я брал винную бутылку и наливал в нее молока столько, чтобы она могла плавать с одним горлышком над водой, привязывал за горлышко бечевкой и пускал ее на пруд. Скоро появлялся уж и, высунув из воды только свою красную головку, плыл от берега к бутылке и залезал в нее через горлышко. Оставалось только вытянуть из воды бутылку, закупорить ее пробкой, и я мог через стекло спокойно разглядывать ужа на близком расстоянии. Один раз мы гуляли по берегу пруда и увидели, что уж поймал лягушку и так сильно ее обмотал и сжал, что она раскрыла рот и вытянула лапки. Француженка гувернантка, которая была с нами, хотела отнять лягушку палочкой, а уж, оставив лягушку, бросился на гувернантку; та стала быстро

убегать, но уж по крайней мере десять или пятнадцать шагов гнался за ней.

В селе Троицком на улице среди бедных изб красовался памятник времен Екатерины II. На гранитном камне был бронзовый бюст Екатерины, сбоку камня стояла фигура ангела, попирающего змею и держащего над бюстом лавровый венок. Памятник этот был поставлен в год освобождения крестьян села Троицкого от крепостной зависимости еще в екатерининские времена.

Осенью, когда мы возвращались в город, первое время бывало очень скучно, но вскоре мы забывали скуку, заменяя летнее времяпрепровождение более спокойными играми. Одной из любимых у меня со старшим братом была игра в оловянные солдатки, которых у нас было очень много (удивительно, что лучшие оловянные солдатки, сделанные с полным знанием всех форм русских полков, ввозились из Германии, у нас же, где так искусно «готовили» живых солдат, никак не могли сделать оловянных). Игра заключалась в том, что на двух столах мы строили из деревянных кирпичиков крепости, в них расставляли солдатиков, причем у брата всегда были русские, а у меня – турки, и начинали бомбардировку дробинками. Сначала мы бросали дробинки руками, но потом дошли и до стрельбы из пушек. Мы отвертывали от карандашей со вставным графитом кончики, закрепляющие графит, забивали свинцом нижнее отверстие и просверливали дырочку в широком конце; затем укрепляли

маленькую порцию пороха, вставляли из ваты пыж, заряжали дробинкой и поджигали порох фитилем через затравку. Это было очень интересно, но, к сожалению, эта игра быстро прекращалась по требованию старших, потому что из нашей комнаты шла вонь горелого пороха и ваты, и последняя тлела на полу и на мебели и, конечно, могла вызвать последствия, которые происходят от неосторожного обращения с огнем. Вскоре мой брат, который был на четыре года старше меня, поступил в гимназию, и характер моих игр изменился. Я охладел к игре в солдатики и полюбил строить из деревянных кирпичиков дома, башни, мосты, туннели и другие сооружения. Мои родители были, вероятно, довольны этим занятием и подарили мне массу кирпичиков различных форм и размеров. Наконец, отец подарил мне две тысячи штук кирпичиков из белой гжельской глины, которые он специально заказал на кирпичном заводе при селе Кучино. Завод этот как государственный существует и работает до настоящего времени. Уже будучи взрослым, я делал из этих кирпичиков модели печей, а потом оставшуюся большую партию подарил строительному факультету Высшего технического училища, где состоял профессором.

Помню я и другие игрушки, которые мне дарили, и среди них были настолько интересные, что считаю необходимым рассказать и о них.

Помню я и другие игрушки, которые мне дарили, и среди них были настолько интересные, что считаю

необходимым рассказать и о них.

В коробке с отделениями была масса различной длины медных проволочных прутиков с острыми концами с обеих сторон. В середине коробки – одинаковой величины кубики из пробки и целый ряд таблиц тех разнообразных фигур, которые можно делать из прутиков, соединяя их втыканием острых концов в пробочные кубики. Эта простая игрушка давала возможность строить все геометрические фигуры на плоскости и в пространстве, строить каркасы самых разнообразных сооружений и все это самым простым способом, доступным даже малому ребенку. Эту интересную игрушку не надо даже покупать, ее можно с успехом сделать дома.

Затем у меня был большой ящик с небольшим количеством таких инструментов, как пробойник, ножницы, молоток и паяльник со спиртовой лампой. К инструментам приложены листы жести и целый ряд рисунков всяких предметов, которые легко было выполнять из жести самыми простыми инструментами.

Игрушка под названием «Ано-като» состояла из коробки, наглухо закрытой сверху стеклом. Внутренность коробки была отделана серебряной бумагой, на которой были насыпаны всевозможные фигурки из мягкой сердцевины дерева, хотя бы из бузины. Фигурки были в виде палочек, шариков, маленьких примитивных человечков с руками и ногами на волосках и т. д. Если по стеклу потереть приложенным к коробке сафьяновым мешочком, то все содержимое короб-

ки приходит в движение. Человечки вскакивают на шарики, подхватывают палочки, несутся из одного угла коробки в другой, падают, цепляются друг за друга и выделывают такие неожиданные фокусы, разнообразие которых даже трудно описать. Не только мы, дети, но и взрослые занимались этой игрушкой и хохотали до слез.

Затем у меня была коробка с массой рисунков на слюде в негативном изображении; к ним была приложена рамка со стеклом и в толстом черном конверте – пачка светочувствительной бумаги. Продержав эту бумагу с негативом на солнце в течение десяти минут, ее затем погружали в обыкновенную воду, и получался рисунок синего цвета. Уже значительно позднее, через много лет, стали изготавливать на синьке копии с чертежей.

Еще об одной игрушке. Двухэтажный белый дом под ярко-красной крышей. Крыша на петлях, и если ее открыть, то под ней увидите резервуар на полведра воды. Вы наливаете воду, открываете клапан, и вода по желобу льется на мельничное колесо, и оно начинает вращаться. Перед домом на скамейке сидит парень в красной рубахе и тотчас же начинает быстро пиликать на гармонике. Вдруг открывается дверь нижнего этажа дома, и появляется мельник с мешком муки на спине. Он идет по ярко-зеленой траве, описывая дугу в полкруга, входит в амбар, дверь за ним закрывается. Через некоторый промежуток времени опять появляется мельник и несет муку в амбар, а парень все пиликает и пиликает,

пока не выльется вся вода в нижний резервуар; оттуда выдвижным ящиком ее снова можно перелить в верхний бак, и мельник опять затруится, а парень снова запиликает. Можно часами смотреть на эту игрушку и слушать незатейливую музыку гармониста.

А как забавно было смотреть на маленьких танцовщиц, сделанных из пробки и одетых в пестрые платья, стоящих на четырех щетинках на деке открытого рояля. Если начать играть на рояле, то эти фигурки с удивительным ритмом ходили, поворачивались, сплетались руками, кружились, дрыгая своими маленькими ножками на весу между щетинками.

Я никогда не собирал коллекций бабочек, жуков, цветов и растений, но по книгам и атласам, которые у нас были, и по моим наблюдениям я уже отлично знал с малых лет все названия и породы животных, птиц, рыб и насекомых, деревьев, трав и цветов, грибов, причем больше всего любил собак и меньше всего кошек.

Лет семи я стал увлекаться выпиливанием лобзиком, и это увлечение, приняв более широкие формы, оставалось во мне очень долго. Сначала я пользовался для работ рисунками для выпиливания, которые прилагались к журналу «Нива», а потом делал рисунки сам и особенно любил изготавливать миниатюрную мебель и полностью меблировать комнаты, сделанные из картона. Покупая фанерки для выпиливания, я познакомился со многими хорошими породами деревьев; русский и американский орех, красное и розовое де-

рево, агар, или «птичий глаз», каштан, амарант, палисандр, груша, бакаут и другие были у меня всегда в достаточном для работы запасе.

Помню, как для сестер выписывали заграничный французский журнал и к нему в виде приложения присылали рисунки для вырезания и склеивания моделей разных архитектурных сооружений, отделки комнат, морских судов и прочего. Один год стали присылать декорации театра, это было удивительно интересно. Столяру был заказан деревянный остов портала и сцены, а присылаемые великолепные рисунки занавесей, кулис и задних декораций мы наклеивали на картон и вырезали или выпиливали тончайшие абажуры деревьев, павильонов, террас и других рисунков, потом мы их дополняли всевозможной мебелью и фигурками людей в разнообразных костюмах.

Нас, детей, было десять человек, пятеро старше меня и четверо моложе, причем мы появлялись на свет аккуратно через два года, и разница в возрасте требовала различных условий воспитания, старшие же сестры все свое развитие и образование получили исключительно дома.

Несмотря на обилие гувернанток, учительниц и репетиторов, которые у нас жили и приходили за период моего пребывания дома – от рождения до девятилетнего возраста, – я пользовался полной свободой и зимой, и летом.

Меня никто не стеснял в моих играх на дворе с детьми курьеров и сторожей, служивших при Управлении Нижегород-

родской железной дороги и имевших квартиры в одном доме с нами. Любимой моей игрой была игра в бабки. Почему-то эта игра считалась вульгарной и была запрещена в учебных заведениях, а я этой игрой очень увлекался. Бабки – это короткие кости от ног рогатого скота, продавались они в мясных лавках и в трактирах после изготовления студня. Для игры бабки устанавливались в ряд попарно; пара бабок составляла «гнездо». Всякий играющий должен был поставить одинаковое количество «гнезд». Самые крупные бабки шли на сшибание «гнезд» и назывались битой. Иногда биту через просверленное отверстие заливали внутри свинцом, и тогда она называлась свинчаткой. Перед тем как начать выбивать «гнезда», играющие «канались», кому раньше бить. Для этого биту бросали на землю, и если она ложилась закругленной своей частью кверху, то это был «жох»; боковое положение с выпуклостью на головке кверху давало «плочку», и положение желобком кверху или боком со впадиной на головке кверху – «ничку». Первые били с дальнего расстояния плочки, потом – жохи и последним оставались нички, которые должны были бить левой рукой, но с ближайшего расстояния.

Любимой моей игрой была игра в бабки. Почему-то эта игра считалась вульгарной и была запрещена в учебных заведениях, а я этой игрой очень увлекался.

Я очень любил посещать кухню и проводить время с нашим поваром Константином Капустиным. Он долго жил у

нас, был прекрасным поваром и очень интересным человеком по своему развитию и жажде к самообразованию. Я с удовольствием беседовал с ним о политике, об явлениях природы, о физических свойствах, и мы взаимно «поучали» друг друга. Он выписывал газету, прочитывал ее целиком и иногда просил меня почитать ему вслух, что было особенно часто в 1877 году, во время турецкой войны. Между прочим, я хорошо помню, как мимо окон нашей квартиры проводили партии пленных турок, сильно загорелых и в красных фесках или цветных чалмах. Пленных отводили в построенные для них бараки на Введенских горах; говорили, что они там умирали, как мухи, от сыпняка. Впоследствии эти бараки служили для летнего отделения военного госпиталя в Лефортове.

Повар Константин прекрасно готовил и был прямо художником в своей специальности. Надо было посмотреть, как он из бумажного фунтика выдавливал крем на сладкий пирог и выводил различные орнаменты или как он с чайной ложечки выливал на обратной стороне медного тазика корзиночку из распущенного на огне сахара для мороженого к праздничному обеду. А когда у нас должны были быть гости, то он приготавливал холодные заливные к ужину и украшал их целыми букетами цветов, сделанных из моркови и репы с листиками из сахара, окрашенного шпинатом.

После турецкой войны деньги несколько упали в цене, и фунт хлеба вздорожал на полкопейки и продавался по цене $1\frac{1}{2}$ или 2 копейки за фунт. До чего многие были возмущены

этим вздорожанием, вы не можете себе представить! «Вот до чего мы дожили, – ворчали недовольные, – хлеб две копейки фунт да и пятикопеечный калач стал меньше!»

При этом воспоминании я задумываюсь, и теперь, в 1932 году, я за маленький калачик охотно заплатил бы десять рублей и ел бы его с маслом и сыром так, что за ушами трещало бы.

Повар наш тоже был любитель половить рыбу и летом постоянно ставил жерлицы и ловил щук, а когда к нам приезжал его брат, кларнетист в оркестре Большого театра, то это было для меня торжество, и мы уходили с ним на целый день ловить рыбу за несколько верст.

Я любил ходить в конюшню, где у нас стояли три выездные лошади и корова. Я кормил лошадей сахаром и морковью. Я помню всех лошадей, которые у нас были, но больше других мы любили серого в яблоках жеребца Ваську. Он был уже старый и постепенно белел. Когда уже вследствие старости его перестали запрягать, мы, дети, просили его куда не отдавать, и Ваську пустили на свободе в наш сад. Он ходил за нами, как собака, и спал на лужайке на правом боку, потому-то этот бок у него был окрашен всегда зеленью от травы. Он прожил все лето и осень, и однажды, когда мы пришли утром в сад, Васька лежал на лужайке на правом боку и был уже мертвый.

Иногда зимой нас, детей, возили в Большой театр на балет, из которых любимым был «Конек-Горбунок». Однажды

я был в балагане, который устраивался раз в году на Андроньевской площади, и в памяти у меня остался один номер. На сцену выходила разряженная женщина, она вставала на стул и поднимала локти на высоту плеч. Под локти ей подставляли острые пики, затем ее усыпляли и вынимали стул, а она оставалась висящей в воздухе, опираясь лишь двумя локтями на острия пик. Потом вынимали одну пику, но она продолжала держаться в той же позе, опираясь только одним локтем, после чего ее поворачивали в горизонтальное положение. Я никак не мог догадаться, в чем состоит фокус, и только потом, через много лет, когда я был за границей и видел представление на сцене какого-то парижского кафе, я узнал, что фокус основан на преломлении зеркал и публика видит только то, что ей хотят показать.

Как-то в Малом театре устраивались для детей сеансы фокусника Фельдмана, и наиболее интересным номером был последний, когда Фельдман выходил на авансцену и раскидывал свои визитные карточки по зрительному залу. Ловкость и сила его рук были настолько велики, что карточки летели через весь зал и попадали в верхний ярус.

Несколько раз мы были в Манеже на Моховой, или, как он тогда назывался, – московский Экзерциргаус; в нем устраивались гулянья с музыкой, хорами певцов, лотереями-аллегри¹, тирами для стрельбы, театром марионеток и т. д. Я

¹ Аллегри (от *итал.* «будьте веселы») – вид лотереи, в которой выигрыш вручается сразу. – *Здесь и далее примеч. ред. и Шилина А. А.*

помню, что зимой в Манеже было всегда очень жарко, и с потолка капала вода. Потом я узнал, что арендатору вешалок для верхнего платья сдавали и отопление, потому он и старался сильнее топить печи. Как-то появилось в афишах и в газетах широковещательное объявление о необыкновенном освещении, которое будет во время вечернего гулянья демонстрироваться в Манеже. Оказалось, что к потолку были подвешены два электрических фонаря системы инженера Яблочкова. Это был первый случай, когда жители Москвы увидели электрическое освещение, и я прекрасно помню, как снаружи на обресе цоколя здания Манежа стояли сотнями элементы Бунзена, от которых горели два электрических фонаря. Я часто думаю, в какую интересную эпоху мне пришлось жить: полное развитие электрической энергии, телефоны, фонографы, радио, рентген, аэропланы и т. д., и т. д. с самого начала и до современного совершенства – все это прошло перед моими глазами и так полно питало мою мысль.

Я часто думаю, в какую интересную эпоху мне пришлось жить: полное развитие электрической энергии, телефоны, фонографы, радио, рентген, аэропланы и т. д.

Но из всех игр и развлечений самым большим удовольствием для детей была елка. Каждый год 24 декабря у нас была елка. Двадцать третьего декабря вечером в зал принесли это чудно пахнущее дерево, снимали люстру и привязывали его за верхушку к крюку, а низ вставляли в деревян-

ную подставку. Двери в зал запирались. Первым делом на елку надевали три деревянных обруча, обклеенных красной и зеленой бумагой с золотом. По этим обручам выравнивали и подвязывали ветки елки и к ним укреплялись гирлянды стеклянных бус. Я не буду перечислять всех мелочей, которые вешали и которыми украшали елку, скажу только, что мы, дети, еще за недели начинали готовить всякие картонажки, золотили сусальным золотом грецкие орехи и делали из цветных бутылочных колпачков бадеечки, вклеивая внутри картон и делая из проволоки ручку. Помимо той красоты, которую представляла собой убранная и освещенная сотнями свечей елка, мы любили ее и потому, что в это время мы получали самые лучшие подарки. Не знаю, откуда взялось это обыкновение, но в вечер елки всегда подавали у нас подносы со всевозможными орехами и изюмом.

Я вспоминал свое детство до девятилетнего возраста; с этих пор мое положение и мои воспоминания резко меняются, так как я перестаю жить дома у родителей и приезжаю домой только в отпуск по праздникам. Дело в том, что моя излишняя резвость и шалости дошли до предела, и никому в семье от меня не было покоя. То я запушу в голову брата деревянным кирпичиком, то выдерну стул, когда кто-нибудь из сестер хочет сесть, то подожгу целую коробку спичек на письменном столе моего отца или подпалю свечкой портьеру, одним словом, насколько я помню сейчас, я сделался совершенно нетерпимым и нуждался в постоянном надзоре.

Один раз моя старшая сестра, увидев, что мы с ней в комнате вдвоем, в испуге закричала: «Подите сюда кто-нибудь, а то я одна с Ваней в комнате осталась!» Это было очень характерно. Отец не хотел отдавать меня пансионером в закрытое учебное заведение и решил поселить меня в семействе какого-нибудь воспитателя при учебном заведении, чтобы я, находясь в хороших условиях, мог поступить в среднюю школу. Отцу рекомендовали одного воспитателя – офицера 1-й московской военной гимназии А. Д. Бунина. Было решено отдать меня за год до вступительного экзамена, чтобы я мог подготовиться по тем наукам, которые требуются для поступления. Меня занимала перемена положения, и я безболезненно покинул родительский кров.

Я думаю, что эта перемена имела для меня много положительных результатов и хорошо повлияла на всю мою жизнь. Я продолжал шалить, но шалости мои приняли более осмысленную форму, и в кругу большого количества товарищей во мне стала вырабатываться самостоятельность, чего были лишены совершенно мои братья и сестры. Затем я был освобожден от вредного влияния в религиозном отношении. Дело в том, что у нас в доме жила одна старушка, которая была воспитательницей моей матери, некая Е. О. Берера. Мы ее называли по-французски «*Vonne amie*», а по-русски Боночка. Она была родом итальянка и католичка, но после одной серьезной болезни приняла православие и стала ужасной ханжой. Она взяла на себя наше религиозное воспитание, и

так как мы ее любили и слушались, то ее ханжество имело на нас весьма вредное влияние. Она заставляла нас каждую субботу ходить ко всенощной и в воскресенье – к обедне. На первой, четвертой и седьмой неделях Великого поста мы должны были есть постную пищу, даже вместо коровьего молока нам давали миндальное. Постом она еще чаще таскала нас в церковь и заставляла слушать дома всякое ерундовое чтение «О житии святых», доводя нас до слез. Я лично мало поддавался этому влиянию, но мои старшие сестры стали не в меру религиозны. Стоя в церкви, я ужасно скучал, не мог дожидаться конца службы и находил, что веселый, плясовой напев «Взбранной Воеводе» придуман оттого, что им кончается служба всенощной. Иногда я удирал из дому и потом лгал, что был в другой церкви. Впрочем, я иногда заходил в Андроников мужской монастырь и мне было даже занятно слушать, как монахи громко переругивались с одного клироса на другой. Это был монастырь, где совершенно не стеснялись. С площади в главные ворота открыто привозили целые полки пива; молодые горничные постоянно пропадали в монастыре; повар архимандрита, приходя в гости к нашему повару, рассказывал презабавные истории из жизни монастыря. Тем не менее постоянные религиозные объяснения и чтения Боночки, хождения в церковь и пример старших сестер вносили какое-то смутное чувство в мою детскую голову, и отъезд из дома сразу дал мне в этом отношении какое-то облегчение и установил другой взгляд на все религи-

озные обряды. Я помню, как в церкви на даче меня больно укусила оса в шею; при выходе я, еле удерживая слезы, рассказал об этом Боночке. «Ты, вероятно, плохо молился», – сказала она. «Я даже совсем не молился, а она меня все-таки укусила», – отвечал я.

Спасо-Андроников монастырь

Москва, Андроньевская площадь, 10

Монастырский комплекс, названный по имени первого игумена – Андроника, ученика Сергия Радонежского. Был закрыт большевистским правительством в 1918 году. До 1922 года на территории монастыря располагался один из первых концентрационных лагерей ВЧК, где массово расстреливали людей. В 1929–1932 годах была уничтожена колокольня монастыря, которую упоминает И. И. Рерберг. В 1927-м – некрополь, где были похоронены Андрей Рублев, воины, погибшие во время Северной войны и Отечественной войны 1812 года, основатель русского театра Федор Волков, меценат Павел Демидов, представители многих дворянских родов: Лопухины, Толстые, Волконские.

Возрождение архитектурного комплекса началось после войны, когда выяснилось, что Спасский собор монастыря – самое древнее сохранившееся здание Москвы. Инок Андроникова монастыря был Андрей Рублев. Спасский собор был вновь освящен в 1993 году, в настоящее время в нем проводятся богослужения.

Один раз, когда мы жили на даче в Троицком, Боночка повезла меня и еще кого-то из детей на лошадях в монастырь Николо-Угреши. Дорогой нас застигла ужасная гроза, и мы промокли до костей. В монастыре мы остановились в гости-

нице и пробыли там два дня. Я помню, что в монастыре был монах, который лечил от бесплодия, и из Москвы к нему приезжало много женщин. В большом соборе монастыря на стене была картина Страшного суда, и на ней был изображен большой зеленый черт, державший на коленях маленького Иуду, в руках которого был мешок с надписью «200 000 р.». На другой стене были изображены двое граждан, причем один из них указывал пальцем на другого. У стоящего с опущенными руками торчала из глаза маленькая веточка с зелеными листиками, а из глаза гражданина с поднятой рукой выступало огромное бревно. О Николо-Угрешском монастыре у меня осталось одно светлое воспоминание – это замечательно вкусные просфоры, и жаль, что их не полагалось есть с маслом.

Когда я уже перестал жить дома и только в субботу приезжал в отпуск до вечера воскресенья, все-таки Боночка при- нуждала меня ходить в церковь, но я открыто протестовал, что вызывало у ней постоянные слезы.

Глава вторая

Двадцать второго сентября 1878 года мне исполнилось девять лет, а в октябре или ноябре этого же года я переехал в семью воспитателя А. Д. Бунина, который имел казенную квартиру в том же громадном старинном здании, где были размещены 1-я и 2-я военные гимназии. Здание это называлось Головинским дворцом; сооружено оно было в Лефортове еще в царствование Екатерины II и выходило своим передним фасадом на большое поле, сзади которого была Анненгофская, или Гофинтендантская, вековая сосновая роща. Предание гласило, что эта роща была посажена в несколько дней перед приездом Екатерины во дворец. В один момент за несколько минут небывалым по силе местным ураганом роща была снесена дочи́ста в буквальном смысле этого слова, потому что даже не пришлось выкорчевывать ни одного пня. Все деревья были вырваны с корнем, и оставалось только их распилить и увезти, чтобы на месте рощи осталось чистое поле. Я был свидетелем этого небывалого в Москве явления природы, потому что жил в то время недалеко от места катастрофы, в здании Лефортовского дворца на берегу Яузы. Кроме Анненгофской рощи сильно пострадал и чудный парк за Головинским дворцом. В этом парке, доходившем до самой реки Яузы, были вырваны все большие деревья, в большинстве своем роскошные липы и вязы, и остался

один молодняк. Вы себе не можете представить, до чего мне больно было смотреть на это бессмысленное разрушение великолепного парка, в котором я чуть ли не ежедневно гулял в продолжение семи лет моего пребывания в среднем учебном заведении.

На воспитании у А. Д. Бунина кроме меня было еще двое юношей, поступивших уже в гимназию. Квартира состояла из анфилады четырех больших комнат, сеней с лестницей и длинной низкой комнаты над проездными воротами. Комнаты были перекрыты коренными сводами, а наружные стены были такой толщины, что окна помещались в глубоких нишах. Квартира была на первом этаже, не считая полуподвала, и окнами выходила на поле и рощу. Занятия мои состояли в решении арифметических задач по Евтушевскому, в изучении русской грамматики, в писании диктантов, ну и конечно, в чтении Ветхого завета и продолжались около пяти часов ежедневно. Вставали мы в шесть часов утра, в семь пили чай с молоком и французской булкой, в одиннадцать завтракали кашей и молоком, в три обедали и в восемь часов вечера пили чай с хлебом. Около девяти шли спать, причем я часто бегал на кухню и выпрашивал у кухарки кусочек хлеба и вареного мяса, которые я на сон грядущий ел с большим удовольствием. В свободное от занятий время ходил гулять или рисовал дома, копируя с журналов, и составлял рисунки для выпиливания. Каждую субботу я отправлялся домой в отпуск, и было заметно со стороны моих сестер и родителей

усиленно ласковое обращение, причем я старался не шалить и не безобразничать, что мне не всегда удавалось.

Я был свидетелем этого небывалого в Москве явления природы, потому что жил в то время недалеко от места катастрофы, в здании Лефортовского дворца на берегу Яузы.

Зима прошла быстро и скучно, а на лето мы перебрались на дачу в подмосковное село Коломенское, где были расположены и лагеря военных гимназий. На даче занятия продолжались, но в свободное время было гораздо веселее гулять в интересных окрестностях села. Я помню громадные сады, густо засаженные красными вишнями, группу кедровых деревьев, скованных железными обручами, где, по рассказам, висела колыбель Петра I. Помню реку Москву с песчаным обрывом, где было так приятно прыгать вниз на мягкий песок. Помню архитектуру старинных церквей и ворот, а также место, засаженное акацией, где прежде находился большой деревянный дворец, который сгорел. Одна из церквей в Дьяковом овраге была очень оригинальна и во многом похожа на церковь Василия Блаженного на Красной площади Москвы. Эти постройки приписывают одному архитектору. Предание гласит, что когда царь Иван IV похвалил архитектора этих храмов, то тот ответил, что может построить еще лучше. Царь велел выколоть ему глаза, чтобы он никогда ничего лучшего не выстроил. В одной из башен хранились древние орудия пытки и цепи; я помню в одной из церквей восковую

фигуру Христа в терновом венце и с палкой в руке; фигура эта была сделана в натуральную величину и помещалась в какой-то палатке из шелковой материи с галунами; впечатление было отвратительное.

Однажды хозяин избы, в которой мой воспитатель нанял три комнаты под дачу, пригласил нас к себе на чай. Стол был уставлен закусками и водкой, а нам, детям, дали шоколад в великолепных фарфоровых чашках. Потом я узнал, что многие крестьяне села Коломенского служат сторожами, уборщиками и камердинерами при Кремлевских дворцах и, очевидно, не видели ничего предосудительного в том, что «делились» с царем государственным имуществом. Тут же в Коломенском мне рассказывали о бывшем побоище между крестьянами и кадетами, которое произошло, кажется, при Александре II. Кадеты Первого московского корпуса залезли в сад воровать вишни; одного кадета крестьяне поймали и хотели вести к начальству, но другие кадеты за него вступились, и поднялась драка. Из лагерей и из села побежали к обеим сторонам на помощь, толпа озверела, и началось побоище. С обеих сторон были убитые. В наказание за это кадетские корпуса были переименованы в военные гимназии, и только когда я был уже в третьем или четвертом классе, снова стали называться корпусами. Разница однако состояла только в том, что вместо кепи нам надели фуражки, а младший, средний и старший возрасты стали называться третьей, второй и первой ротами.

Осенью я благополучно выдержал экзамены, поступил в военную гимназию и надел первый форменный мундир, шинель и кепи с кокардой. Я продолжал жить у воспитателя А. Д. Бунина и числился в гимназии приходящим, посещая регулярно все занятия. Наш день был распределен так: вставали мы в шесть часов утра и собирались в класс на утреннюю репетицию от семи до половины восьмого, затем выходили на полчаса на прогулку, причем зимой выбегали на воздух в одних мундирах без шинелей. От восьми до двенадцати четыре урока по часу и затем от часа до трех еще два урока. В три часа обед и затем прогулка и игры на воздухе до шести часов вечера. В шесть часов опять в классы на вечернюю репетицию, за которой мы под наблюдением воспитателя готовили уроки до восьми часов. Затем чай и в девять часов спать, причем на раздевание, умывание и разговоры не более часа, в десять часов должна быть тишина, а я, как приходящий, после вечерней репетиции возвращался к Бунину. Заведенный порядок не изменялся за все время моего пребывания в гимназии и потом в корпусе. Только последние два года, в шестом и седьмом классах, я жил уже в самом корпусе и иногда заходил по старой памяти к А. Д. Бунину, о котором у меня до сих пор остались самые лучшие воспоминания, несмотря на всю его строгость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.